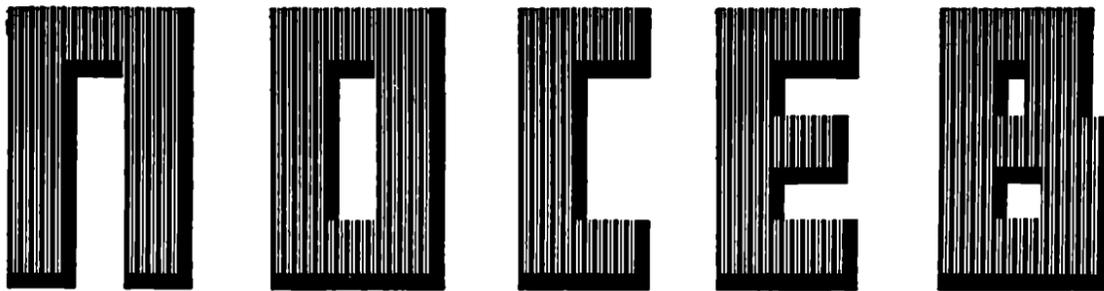

ГОД ИЗДАНИЯ XVI
№ 20 (731)ВОСКРЕСЕНЬЕ
15 МАЯ 1960ГОЛОС РОССИЙСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
ВЫХОДИТ ЗА РУБЕЖОМ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

Jahrgang 16 · Nr. 20 (731)

Russische Wochenzeltung · POSSEV — Die Aussaat · Frankfurt a. M., Merianstraße 24a

Sonntag 15. 5. 1960

♦ РОССИЙСКОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ составляют все, кто ставят своей целью революционное свержение коммунистической власти и идут к этой цели путем одиночной борьбы или организуются в кружки, группы, объединения. ♦ НТС — НАРОДНО-ТРУДОВОЙ СОЮЗ (русских солидаристов) обладает революционной идеологией и стратегией, ведет революционную борьбу и тем способствует росту и организованности российского революционного движения. ♦ «ПОСЕВ» отражает и развивает идеи солидаризма, борется за осуществление политических стремлений российского революционного движения и издается при активном содействии НТС.

Перед лицом усложняющегося положения в стране

К переменам в руководстве партии и правительства

На верхах КПСС снова произошли изгнания и крупные персональные передвижки. В некотором смысле претерпели изменения даже распределение власти на силовые центры и значение каждого из этих центров.

На состоявшемся 4 мая пленуме ЦК КПСС, рассмотревшем вопросы сессии Верховного совета и организационные вопросы, как и предполагалось, выведены из состава президиума ЦК А. И. Кириченко и Н. И. Беляев, «сославные» некоторое время назад в провинцию.

В члены президиума из кандидатов передвинуты А. Н. Косыгин, Н. В. Подгорный и Д. С. Полянский — в обход Пospelова, Коротченко и Калыберзина. Причем Косыгин назначен первым заместителем председателя Совета министров СССР на место Козлова (о последнем ниже).

Сильно раскассирован секретариат ЦК: из него вышли А. Б. Аристов и П. Н. Пospelов с тем — по формулировке информационного сообщения — чтобы они сосредоточили свое внимание на работе в бюро ЦК КПСС по РСФСР; Н. Г. Игнатов, назначенный на должность заместителя председателя Совета министров СССР; Е. А. Фурцева, назначен-

ная на должность министра культуры СССР вместо Н. Михайлова, переведенного на «другую работу».

Вместо выбывших четырех секретарей ЦК избран только один новый: Ф. Р. Козлов, с освобождением его от должности первого заместителя председателя Совета министров СССР.

На состоявшейся после пленума ЦК КПСС сессии Верховного совета СССР освобожден от должности председателя президиума Верховного совета СССР К. Е. Ворошилов «в связи с неудовлетворительным состоянием здоровья». Ворошилов избран членом президиума Верховного совета СССР. Председателем президиума Верховного совета СССР избран член президиума ЦК КПСС Л. Н. Брежнев, который до этого работал секретарем ЦК КПСС. Неизвестно, продолжит ли он одновременно оставаться секретарем ЦК.

На место Косыгина, передвинутого в первые заместители председателя Совета министров СССР, на должность заместителя председателя Совета министров СССР и председателя Госплана СССР назначен В. Н. Новиков, не состоящий в руководящих органах партии.

2. Дальнейшее укрепление у кормила власти группы сравнительно молодых, условно называемых умеренными реформистами, деловиками, «государственниками». Сюда должно быть отнесено назначение А. А. Косыгина (который хотя и был в сталинском политбюро, но всегда занимался лишь хозяйственно-техническими делами) на пост I-го зам. председателя Совета министров СССР и избрание Ф. Р. Козлова фактическим главой секретариата ЦК, который будет вестись ключевой позицией — подбором и расстановкой кадров. По-видимому эти два лица и намечаются (или наметили себя) преемниками всей полноты власти после ухода со сцены сталинских «стариков». Думается, что к этому же облику новой смены власти могут быть отнесены также Брежнев, по образованию сельскохозяйственный специалист и инженер, получивший ныне пост «президента» страны, и Аристов, ныне выделившийся со своим Бюро ЦК по РСФСР из секретариата и получивший самостоятельный «удел».

Задача этой «смены» ясна — эластичной политикой «оседлать» народные требования и главное — предотвратить развитие революционных тенденций. Недаром «вопросы сессии Верховного совета», обсуждавшиеся на последнем пленуме ЦК, где произошли перестановки, были вопросами широковещательных обещаний и уступок.

Думается, что Хрущев связал себя именно с этой группой, хотя во многом еще будет накладывать свой личный властный колорит на политику.

3. Если не поворот, то тенденция к перенесению руководства в государственные органы, в пределе — к государственному, а не партийному примату. Об этом может говорить нынешнее сокращение числа «сверхминистров», которыми были секретари ЦК (если тут не проявилась личная воля Козлова, пожелавшего иметь сжатый кулак, а не растопыренную девятёрню), с передвижением освобожденных секретарей на государственную работу. В свете этого далеко не очевидно, что Фурцева, получившая перевод из секретарей ЦК в министры культуры СССР, начала свое падение.

Снова видимо постучалась в дверь необходимость укрепления роли советов, ибо чем-либо другим трудно объяснить избрание на пост «президента» страны не представительной, декоративной фигуры, а деловика Брежнева.

Из всего того, что произошло, отнюдь не видно, что власть укрепилась. На горизонте уже маячит распад власти президиума ЦК на три силовых центра: возглавленные правительства, секретариат ЦК, бюро ЦК КПСС по РСФСР. В сущности это распад уже началось на майском пленуме ЦК КПСС...

Принципиально удивляться этой чехарде и катавасии не приходится: весь период господства компартии в нашей стране заполнен истинно жуткими свалками на верхах власти, взаимопожиранием, доходившими в сталинские времена до кровавого месива.

В послесталинское время, на гниющем идеологическом базисе, масштаб этой свалки, пожалуй, еще больше вырос. В первоначальный период после смерти Сталина оборвали свою карьеру, а некоторые из них сложили свою голову, как например, член президиума ЦК КПСС Л. Берия, кандидаты в члены президиума ЦК П. Пономаренко, Л. Мельников, М. Багиров, секретари ЦК С. Игнатьев и Н. Шаталин. Из 11 членов президиума ЦК, избранного после XX съезда в 1956 году, остались в составе президиума только четверо — Хрущев, Ворошилов, Микоян, Сулов, да и то звезду Ворошилова можно считать отныне закатившейся. Из остальных семи членов

президиума шесть — Маленков, Молотов, Каганович, Булганин, Первухин, Сабуров оказались победенными меньшинством, списаны в «отщепенцы», в «обанкротившиеся», а седьмой — Кириченко — пал на новом этапе грызни среди «монолитных».

Вместе с «антипартийной группой» попал в «отщепенцы» идеолог партии, секретарь ЦК Д. Шепилов.

Из впоследствии введенных в президиум новых членов маршал Г. Жуков и Н. Беляев пали — первый в 1957 году, второй — в 1960-ом.

Невольно приходит на ум, что съезды партии и пленумы ЦК нарочно избирают в руководство самых отъявленных предателей, самых неспособных, «дубовых» работников и даже агентов иностранных разведок (как Берия).

Но дело обстоит, конечно, гораздо сложнее. Дело — в неуклонном вырождении марксистской идеологии, в обанкротившейся практике социалистического и коммунистического строительства, что прямо влечет голую грызню за власть среди гниющего идеологического болота, какие бы люди не выдвигались в руководство.

Мы печатаем сегодня высказывания авторов «Посева» о последних переменах на верхах КПСС. Их точки зрения не во всем совпадают, а в некоторых случаях даже различны. Этому не приходится удивляться, ибо ситуация в стране, на фоне которой происходят эти перемены, весьма сложна и допускает — даже предполагает — различный подход к ее оценке, а следовательно, и к оценке состояния власти.

Нам думается, что именно из усложняющегося для руководства КПСС положения в стране вытекли нынешние новые перестановки в руководстве КПСС.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

- ♦ Н. Данко. Студенты бегут от «общественной работы»
- ♦ Евг. Гаранин. Хрущевский «квартет»
- ♦ Н. Рутьч. Прыжок Фрола Козлова
- ♦ В. Кунгурцев. Уступки и их хозяйственный фон
- ♦ Л. Зальцберг. Денежная реформа Хрущева
- ♦ К. Фотиев. О верности человеку и искусству
- ♦ А. Н. В Париж, с ракетами в руках...
- ♦ У. Павленко. К истории со сбитым американским самолетом

То нашей стране

„Дополнение“ к закону — замаскированный ход против революционной организации

В общей массе опубликованных в газетах от 8 мая постановлений последней сессии Верховного совета СССР содержится также и «дополнение статьи первой закона об уголовной ответственности за государственные преступления» такого содержания:

«Не подлежит уголовной ответственности гражданин СССР, завербованный иностранной разведкой для проведения враждебной деятельности против СССР, если он во исполнение полученного преступного задания никаких действий не совершил и добровольно заявил органам власти о своей связи с иностранной разведкой».

В чем причина появления этого «дополнения»? Едва ли среди населения страны развелось столько агентов иностранных разведок, что правительству понадобилось издать специальный закон, заманивающий их в ловушку милостивой гуманности этого правительства.

Дело, видимо, не в агентах иностранных разведок, а скорее — в революционных подпольщиках. Известно, что руководство КПСС, его карательные органы и его печать, не будучи в силах назвать вещи своими именами, постоянно приклеивают революционной орга-

низации ярлык «гнезда шпионов, состоящих на службе иностранных разведок». Сотни раз этот ярлык приклеивался, в частности, к НТС. Еще в 1953 году был инсценирован суд над отважными революционными борцами, членами НТС Маковым, Ремигой, Горбуновым, Лахпо, захваченными КГБ на подпольной революционной работе на территории СССР, как над «иностранцами агентами и диверсантами».

Текст «дополнения» говорит со всей убедительностью, что в стране действуют неуловимые для власти революционные силы, связанные с заграничным революционным центром. Власть никак не может их нащупать. Отсюда — волна новых преследований уже ранее амнистированных власовцев, полицейских, «коллаборантов» времен войны с целью устрашить оппозиционно-революционное подполье и заставить его сдать; отсюда заманивание в ловушку «прощенья».

Это «дополнение» должно создать вокруг КГБ нимб всепрощения, превратить его в глазах населения из органа карающего в орган милующий. Но одновременно это и свидетельство бессилия КГБ выявить опасных противников методами чекистского сыска.

Сессия Верховного совета СССР

На повестке пятой сессии Верховного совета СССР, проходившей в Москве 5-7 мая, стояли вопросы: 1. Об отмене налогов с рабочих и служащих, 2. О мероприятиях по завершению перевода в 1960 году всех рабочих и служащих на сокращенный рабочий день, 3. Об утверждении указов президиума Верховного совета СССР.

По первому вопросу доклад сделал Хрущев. Доклад назывался «Об отмене налогов с рабочих и служащих и других мероприятиях, направленных на повышение благосостояния советского народа». По второму — председатель Государственного комитета Совета министров СССР по вопросам труда и заработной платы А. Волков и председатель ВЦСПС В. Гришин.

В первой части своего доклада Хрущев привел содержание проектов новых законов об отмене налогов с рабочих и крестьян и о переводе на сокращенный рабочий день. Экономических обоснований, конечно, дано не было. По вопросу об отмене налогов Хрущев лишь ссылался на то, что прибыли социалистических предприятий растут и поэтому — стало возможно отменить налог с зарплаты. Но он не указал, что при коммунистической системе прибыли предприятий — это все та же выключенная из рабочих «прибавочная стоимость».

В части, посвященной внешней политике советского правительства Хрущев говорил об «ухудшении климата» для встречи «четырёх» 16 мая в Париже, подвергая острой критике тех, кому он еще недавно улыбался в США и Франции. Главным стержнем этой части доклада Хрущев сделал сбитие американского самолета 1 мая над нашей страной. Соответствующие статьи с разбором отдельных тезисов доклада Хрущева читатели найдут в этом номере.

Прения по докладу Хрущева носили в общем стандартный характер. Интерес в них представляло разве лишь соревнование ораторов в эпитетах для Хрущева, сидевшего в правительственной ложе. Приводим некоторые из них: «горячо любимый» (Г. Хойдарова), «последователь великого Ленина» (З. Сердюк), «знаменосец мира» (И. Сенин), «верный ленинец» (В. Анхундов), «свет правды народам» (И. Спиридонов), «сеятель мира на земле» (Ульджабаев) и т. д.

Впрочем, запомнились еще заявления маршала Гречко и А. Громыко. Маршал Гречко в связи с тем же сбитым на тер-

ритории СССР американским самолетом отметил, что «мы располагаем сейчас наиболее мощным и совершенным оружием. Ракетные войска стали у нас действительно главным видом вооруженных сил и по решению правительства организационно выделены в особый вид войск со своим командованием и своей организационной структурой».

Как ныне стало известно, во главе новых ракетных войск поставлен большой знаток артиллерии маршал Неделин.

Слова маршала Гречко могут дать западным пацифистам благодарный материал для размышлений о «мирной политике» руководства КПСС и об истинных причинах «сокращения численности наших войск».

Весьма интересно прозвучало и заявление Громыко, особенно на фоне приближающейся даты «встречи четырех»:

«У советского правительства слова никогда не расходились с делами... оно всегда было верно своему слову, своим обязательствам. Когда советское правительство говорит, что в случае, если не удастся достигнуть договоренности между державами о германском мирном договоре, Советский Союз совместно со многими другими государствами пойдет на заключение мирного договора с ГДР и на решение на этой основе вопроса о Западном Берлине с ликвидацией прав западных держав, вытекающих из капитуляции гитлеровской Германии, то это значит, что так оно и будет...»

Цинизм и издевательство советского министра иностранных дел над международным правом, над самым понятием международных договоров и обязательств не нуждаются в комментарии.

Доклады Волкова и Гришина и очень короткие прения по ним были вполне бесцельны.

Новое в практике коммунистической демократии: Хрущев выступил с заключительным словом по всем трем докладом — за себя, за Волкова и за Гришина. Почти все свое заключительное слово — довольно пространное, не уместившееся на одной странице «Правды» — Хрущев посвятил все той же истории со сбитым американским самолетом. Он привел новые подробности этого события (в частности, что «летчик жив и здоров и находится в наших руках») о которых он, по его собственному признанию, с умыслом в первом своем сообщении умолчал, чтобы-де иметь боль-

ше оснований изболочить Госдепартамент США во лжи...

В конце заключительного заседания председательствующий Пейве огласил заявление Ворошилова, в котором он просит освободить его от обязанностей председателя президиума Верховного совета СССР «в связи с неудовлетворительным состоянием здоровья».

Затем выступал Хрущев с заявлением, что «от имени Центрального комитета КПСС он поддерживает просьбу Климента Ефремовича Ворошилова» и с предложением удовлетворить просьбу Ворошилова, но избрать его членом президиума Верховного совета («чтобы он не оторвался от нас!»), а также с предложением присвоить Ворошилову звание Героя социалистического труда.

Верховный совет «просьбу» не то Хрущева, не то ЦК КПСС, не то самого Ворошилова «уважил» и страна очутилась на несколько минут без «президента».

Любопытно, что такой важнейший, казалось бы, акт, как принятие отставки «президента», совершился даже без... голосования.

«Хотя председательствующий еще не поставил выдвинутые предложения на голосование и до голосования видно, что вы их поддерживаете», — развязно

расписывался Хрущев за всех депутатов коммунистического парламента.

Так же «от имени ЦК КПСС» выдвинул Хрущев предложение избрать Л. Брежнева на освободившийся пост председателя президиума Верховного совета. Когда Хрущев говорил, что «товарищ Брежнев всем известен, как опытный государственный деятель» — вспомнил ли кто-либо из депутатов, что такими же словами в феврале 1956 года он рекомендовал Булганина, предлагая его на пост председателя Совета министров, — Булганина, который через два года тем же Хрущевым был объявлен «презренным отщепенцем»...

Сессия особым постановлением одобрила деятельность Совета министров СССР «как в области внутренней, так и в области внешней политики», приняла закон «Об отмене налогов с заработной платы рабочих и крестьян», закон «О завершении перевода в 1960 году всех рабочих и служащих на семи- и шестичасовой рабочий день», постановление «Об изменении масштаба цен и замене ныне обращающихся денег новыми деньгами», а также утвердила указы президиума Верховного совета, принятые между двумя сессиями.

Л. Гуцин

ЗА НЕДЕЛЮ

● Предстоящие поездки Хрущева в Гану и Австрию. ТАСС сообщает, что Хрущев принял приглашение правительства западноафриканского государства Гана прибыть с визитом в эту страну. Приглашение было передано делегацией парламентариев Ганы, посетившей нашу страну. Дата приезда будет установлена позже. Также официально объявлено, что Хрущев приедет в Австрию 30 июня. Предполагается, что он проведет в Вене три дня и 3-4 дня проведет в поездках по стране.

● День победы. В связи с днем Победы в центральных газетах от 8 и 9 мая напечатаны воинственные статьи маршалов, которые не столько говорят о народном подвиге в ходе освобождения страны от захватчиков, сколько восхваляют «заслуги» КПСС и воинственно бряцают ракетами. Все статьи на тему победы нашего народа «тесно увязаны» с эпизодом... сбития американского самолета.

В приказе маршала Малиновского по поводу дня Победы говорилось вновь о империалистических тенденциях в западных странах и «реваншистах» в ГФР. Как обычно, был произведен оружейный салют в столицах всех республик и в городах-героях.

Во Дворце спорта 9 мая состоялось торжественное заседание в честь праздника победы. Присутствовала вся «головка» партии и правительства во главе с Хрущевым. С докладом выступил маршал Малиновский. Он подчеркнул, что победа над гитлеровской Германией была достигнута нашим народом только благодаря «мудрому руководству и направляющей деятельности коммунистической партии». В заключение маршал Малиновский и здесь коснулся инцидента с американским самолетом и с угрозой заявил: «Мы сбивали и будем сбивать всякого нарушителя, который посмеет нарушить наше воздушное пространство... мы вправе принять любые меры в этом случае против... баз и аэродромов и можем снести эти базы, так что от них ничего не останется... В заключение были показаны фильмы о поездке Хрущева в «ГДР» в минувшем году и с выступлением его на последней сессии Верховного совета.

● Хрущев и Брежнев поздравили руководителей «ГДР» с 15 годовщиной победы над гитлеровским режимом. Хрущев и новый председатель президиума Верховного совета СССР Л. Брежнев, в связи с 15-летием со дня капитуляции гитлеровской армии, направили приветственные руководителям «ГДР». В приветствии одобряется «занимаемая прави-

тельством Германской демократической республики позиция по вопросу заключения мирного договора с обоими германскими государствами и ликвидацией на этой основе оккупационного режима в Западном Берлине» и выражается уверенность, что «лишь совместная борьба за мирное урегулирование с Германией и прекращение оккупационного режима в Западном Берлине приведет к желанным результатам».

● Письмо ЦК КПСС об экономии черного проката. ЦК КПСС обратился с письмом ко всем партийным, советским, хозяйственным и профсоюзным органам, в котором требует, по примеру некоторых «передовых коллективов», экономно расходовать черные металлы в народном хозяйстве. ЦК указывает, что потери металла в виде различных отходов только в машиностроении «составляют более 5 миллионов тонн в год». Отмечается в письме, что «Новосибирский, Томский, Сталинградский, Азербайджанский и некоторые другие совнархозы допустили перерасход проката».

ЦК КПСС в своем письме снова напирал на организационные мероприятия, которые должны, де, предотвратить неправильное использование черных металлов. Предлагается создавать на предприятиях «комиссии по экономии металла из коммунистов и актива», которые «принимали бы меры по экономии металла».

● «Выставка» обломков сбитого американского самолета в Москве. В Москве, в Центральном парке имени Горького, были выставлены 11 мая для всеобщего обозрения обломки обитого американского самолета «У-2», доставленные сюда на грузовиках. Среди обломков — части реактивного мотора, крыла и прочие согнутые, деформированные детали. На открытие этой «выставки» явились Хрущев и Громыко, которые выступили на немедленно организованной пресс-конференции с резкими антиамериканскими заявлениями.

● Массовое присвоение генеральских званий. Руководство КПСС накануне совещания на высшем уровне устроило своеобразную военную демонстрацию, 298 военных или произведены в генеральский чин или повышены в следующий, высший генеральский чин. Звание генерал-полковника присвоено 9-ти чело-векам, звание генерал-полковника отдельных родов войск — 10-ти чело-векам. Звание генерал-лейтенанта или ему соответствующие получили 52 чело-века, звание генерал-майора или ему соответствующие — 227 человек.

ОТТАЛКИВАНИЕ ОТ РЕЖИМА, БОРЬБА ЗА ПРАВА

Студенты бегут от „общественной работы“

«Пассивные... Откуда они?» — так озаглавлена подвальная статья в «Комсомольской правде» от 28 апреля этого года. В статье еще раз ярко отображены духовное банкротство марксизма-ленинизма и отталкивание современной студенческой молодежи от «прогрессивной» теории.

Статья рассказывает о жизни студентов Ленинградского государственного университета им. Жданова, являющегося, наряду с МГУ, ведущим вузом страны.

Начинается статья концовкой письма секретаря бюро ВЛКСМ отделения журналистики Симы Кубриной. Вот что пишет она о студентах филфака ЛГУ:

«... Пассивность, уход в собственный неяркий мирок личных дел и переживаний, боязнь, как бы тебя не «заарканнили» (выражение видимо широко распространено в ЛГУ. — Н. Д.), — вот, что представляют собой многие студенты филфака. Два-три десятка инициативных, самоотверженных студентов с психологией коллективиста, общественника до глубокого вечера что-то устраивают, выпускают, кому-то помогают. У остальных — занятия, лекции, хвосты, домашнее чтение, семейные обстоятельства! Отстаньте от них, дайте им спокойно жить...»

Иллюстрацией к этому служит «дело» комсомольца, студента 2-го курса филфака ЛГУ Евгения Верещагина, описанное автором статьи ниже. Евгений написал своему другу в Казань:

«Выдающихся людей не любят. Надо стараться не выделяться среди других. Сейчас на курсе в основном «серость» страшная — все производственники, не с кем слова сказать. Но я стараюсь не показывать своего превосходства, ну да все равно, это ведь тоже форма презрения...»

... Тебя в твоём возрасте, вероятно, волнуют женщины. Советую тебе посещать рабочие вечеринки. Фабричные девчонки, — знаешь, с ними канители меньше...

... Сейчас у меня другая девушка. Любит меня страшно. Не предаст и не продаст. Чего о себе сказать не могу».

Письмо, адресованное другу, попало в партийную организацию ЛГУ через отца друга Евгения. Здесь мы видим сохранившиеся нравы «партийных стариков», известные еще по временам сталинщины.

Автор статьи сожалеет, что письмо не сохранилось. Видимо, изучением его занимаются известные органы...

Для обсуждения содержания письма Евгения было созвано комсомольское собрание. Евгения уличали, обличали, бичевали. А Евгений «враг, опирался, выкручивался»... Наконец его исключили из комсомола с последующим отчислением из университета. И только тогда попросил Евгений: «Я что угодно сделаю, полы буду мыть — только оставьте меня в ЛГУ». Он не сожалел, что его исключили из комсомола. Он даже не счел нужным ответить на прямо заданный вопрос: «А почему ты ни слова не сказал о комсомоле?».

Бюро Васильевостровского райкома комсомола отклонило апелляцию Евгения Верещагина. Тут он устроил сцену, симулируя психическое заболевание. Евгений стал разрывать себе пальцами рот, говорить на непонятном языке... Из райкома его увезли в автомобиле «скорой помощи». Последовала канитель восстановления его в комсомоле, и из больницы, через месяц, Евгений явился сдавать экзамены. Ошеломленные члены бюро филкома вознегодовали. Они не знали, когда он «осознал» свой поступок, а самое главное, они не слышали «глубоких раскаяний» Евгения.

В этой истории обращают на себя внимание два момента.

1. Евгений Верещагин — яркий представитель советской «золотой молодежи», которая, однако, не удовлетворена материальными благами и восстает против коммунистических прописей. Его отец — профессор.

Мы не можем рисовать моральный облик Евгения. В статье он изображен

*

«ДЕЛО» ФИЛФАКА ЛГУ

односторонне: по пересказам его письма и рассказам комсомольских вожаков. Правдивость, — на совести автора статьи. Но и эти пересказы говорят о многом. От «серости» на курсе Евгений уходит на рабочую вечеринку. Трудно предположить, что на рабочую вечеринку Евгения тянет «страсть к женщинам». Видимо туда он идет на поиски искреннего друга. Иначе невозможно понять фразу из его письма: «сейчас у меня другая девушка. Любит меня страшно. Не предаст и не продаст». (Выделено здесь и ниже нами. — Н. Д.)

2. Если Верещагин — «крайнее выражение того высокомерного невежества, пренебрежения к жизни, тупого зазнайства, которое студенты называют «снобизмом», то не является ли это признанием распространения «снобизма» среди студентов, т. е. оригинальничания, а в политическом плане — стремления к своеволию, к жизни не по коммунистическим прописям, а по своему хотению. Впрочем, и сам автор проговаривается, что таких «снобов» на факультете много. Это они кричали на собрании, поддерживая Евгения: «В каждом из нас сидит Верещагин!» А кто-то даже выразил свое «кредо»: «Филолог — над массами».

Пассивность в комсомольской работе на филфаке автор объясняет случаем с Верещагиным. Он пишет, «что часть из них наверняка после случая с Верещагиным, махнув на все рукой, пополнила ряды пассивных»...

Вернемся, однако, к письму Симы. Она ставит вопрос ребром:

«... Не будем упрекать их за то, что «по молодости лет» написали когда-то в своих заявлениях, но не будем и держать их в своей организации, которая между прочим строится на личном энтузиазме, инициативе и преданности общему делу. Уволим их из этой организации... А может быть, таких не исключать, может предложить им добровольно покинуть комсомол?»

Письмо Симы встревожило «Комсомольскую правду». Решили искать ответ. Начали там, «откуда оно пришло». Даже применили «старый, испытанный способ» — допрос комсомольских вожаков. Все подтверждали развал комсомольской работы и пассивность комсомольцев. В этом никто не сомневался и не спорил. Сима была права. Тогда стали искать причины.

Секретарь комсомольского бюро филфака Борис Александров был откровенен. На «социалистическом энтузиазме» далеко не выедешь. Комсомольская организация приняла решение — каждому студенту отработать месяц на общественных работах. Выполняя решение конференции, Александров «сам определял каждого куда-нибудь: часть на уборочную, а в основном на стройки». Повесткой была обеспечена «добровольная» явка: «Явиться на стройку, в случае неявки — исключение из университета». Это — действительно энтузиазм!

Исследователи причин развала комсомольской работы обвиняют Бориса Александрова в «неправильном стиле работы». У него-де стиль бездушного руководителя. Он не сумел найти путь к душам комсомольцев.

Александров недоумевал, когда на него обрушивали обвинения в «неправильном стиле». Ведь так много симулянтов и дезертиров! Это он видел еще тогда, когда студенты приходили к нему с обходным листком. Что же делать? Если бы студенты приняли решение «себя эксплуатировать», тогда можно было бы, пожалуй, обойтись и без повестки, оскорбившей студентов беспринципным цинизмом.

Годом раньше на факультете был другой секретарь — Виктор Бухарков. Этот нашел подход к душе студентов и «гуманно» выполнял поручение о посылке студентов на Корельский перешеек рубить кустарник и мелкий лес. Правда, и ему было трудно, и тут бы-

ли дезертиры, и не обошлось без слез. Но Виктор не просто «восстанавливал справедливость». Он сообразил, «что от грубого нажима только видимая польза, а сколько скрытого вреда!» и решил влиять на несознательных коллективом, используя влияние друзей и подруг...

Вот, оказывается, как обстоит дело с вербовкой рабочей силы на стройки коммунизма!

Еще больше чем «неправильный стиль» на развал комсомольской работы влияет пренебрежение студентов «идеологической работой». И тут автор действительно подошел к корню всего дела.

«Большой комитет» — так называют вузком в ЛГУ — провел рейды по проверке посещаемости лекций на всех факультетах. Член бюро вузкома Алла Бутузова несколько раз ходила на лекцию, а потом заявила:

— Не могу больше! Прихожу я посередине лекции, как контролер, и начинаю ставить «плюсы» и «минусы». Преподавателю неудобно, ребята смеются. А главное, что это дает?

Вот что это дает. В статье говорится, «что хуже всего на филфаке посещают лекции по историческому материализму. Бывало, что из двухсот человек на лекции сидели не больше двух десятков: «Ску-у-чно! Интереснейший предмет, а лекции слушать невозможно».

«Интереснейший предмет» — это лишь дань той мертвой догме, которая исходит от верхов. Преподавателя заменили, но можно наверняка сказать, что ни студентам, ни новому преподавателю от этого легче не станет. Жвачка диамата и истмата набила оскомину у всех...

Против антигуманного закона

МУЖЕСТВЕННЫЙ ГОЛОС ПИСАТЕЛЯ КАВЕРИНА

Писатель В. Каверин в «Литературной газете» № 40 за этот год вновь поднимает вопрос о необходимости отмены статьи 8 Указа от 8 июля 1944 года, по которой так называемая «мать-одиночка» должна нести все бремя ответственности за внебрачного ребенка, а в графе метрики его, где должна быть проставлена фамилия отца, ставится прочерк, даже в случае, если отец признает ребенка и согласен дать ему свое имя.

Совсем недавно («Посев» от 13 марта с. г.) мы писали об этом законе, ущемляющем права женщины и нарушающем равноправие граждан. Общественность на родине также не успокаивается и снова и снова требует отмены несправедливого закона.

В. Каверин рисует трогательный образ юной обманутой матери и беспринципного молодого инженера Юлия Солякова, который только что бросил одну молодую мать, сходится с девушкой и, обещая ей жениться, «въезжает к ней в квартиру».

Появляется ребенок, а отец уже наметил новую жертву и бросает юную «мать-одиночку» (поскольку брак так и не был зарегистрирован) «да еще в ту пору, когда она ждет второго!».

Закон ведь, повторяем, стоит на стороне отца и мать остается с ребенком на руках на произвол судьбы. Ей причитается пособие от государства в размере... 40 рублей в месяц на ребенка...

В. Каверин присутствовал при опросе этой девушки-матери и заинтересовался случаем. На его вопрос о дальнейшей судьбе девушки, судья-женщина ответила, что в иске ей отказано, поскольку брак незарегистрирован:

— Но ведь нет же ни малейших сомнений... — удивился Каверин.

— Вот именно. Что делать, закон! — Так отменим этот закон (выделено здесь и ниже мною. А. А.). Судья согласилась: «Давайте».

«Логика как оружие справедливости» — пишет далее Каверин — вот что закосилось мне основой деятельности советского суда. Но картина несомненной,

Что же дальше? Пока еще никто не отважился открыто предложить изменить идеологию, изгнать мертвечину марксизма-ленинизма. И все же именно к этому сводится предложение члена комсомольского бюро отделения журналистики Вадима Чурбакова, хотя он говорит только о необходимости изменения стиля работы. Чурбаков ставит в пример отделение журналистики. Здесь организовали выставку картин. Три студента художественного института им. Репина выставили свои работы. Выставка вызвала большой интерес. Приходили не только филологи, но и студенты других факультетов. Что же тянуло студентов на выставку?

Вадим Чурбанов объясняет так:

— Столкновение противоречивого, разного... Художников мы нарочно подобрали разных, чтобы вызвать спор. И очень скоро споры о том, кому что нравится, сменились диспутами о творчестве вообще, о глазе художника и его месте в жизни, о его праве видеть и осмысливать мир по-своему, о мировоззрении...

Если бы Вадим Чурбаков имел смелость продолжить свою мысль, он мог бы сказать только одно:

Если молодежь имеет право исповедовать противоречивые точки зрения в области искусства, то имеет она право исповедывать их и в области политики, идеологии.

А мы добавим: пока существует запрет на свободное выявление политических взглядов, на открытый выбор и защиту мировоззрения, пока насильно навязывается одна доктрина — ряды «пассивных» все больше будут расти и никакие «стили работы» тут не помогут. Причем пассивность — лишь первая ступень сопротивления, которое в конечном счете может принять самые острые революционные формы.

Н. Данко

очевидной несправедливости открылась передо мной в маленьком, почти незаметном деле. ... за его очертаниями встали действующие лица, между которыми могла бы разыгратись — да и разыгралась — глубокая жизненная драма: судья, поступающий против своей совести; преступник, который остается безнаказанным, хотя его вина не вызывает сомнений; и потерпевшая, которая, напротив, наказана, хотя не совершила преступления. Я уже не говорю о том, что в этой драме участвовал еще один персонаж, тот самый милый, в лихом чепчике, «без вины виноватый»...

Далее Каверин подчеркивает, «что, подлость, несмотря на всю свою безнаказанность, все-таки боится общественного мнения» и повествует, что у бросившего мать с ребенком отца хватает подлости, попросить у своей жертвы на один месяц ребенка на подержание, с тем, чтобы соседи и родственники, слышавшие о появлении ребенка, не заметили, что он приехал к ним уже с новой «женой».

В. Каверин ссылается на открытое письмо Д. Шостаковича, И. Эренбурга, С. Маршака и Г. Сперанского, напечатанное в «Литературной газете» от 9 октября 1956 г., и на то, что вопросом тяжелого, двусмысленного положения «матери-одиночки» болеют многие: «Пишут отцы, матери, бабушки. Со времени принятия закона прошло более пятнадцати лет — скоро начнут писать и дети. Судьи, не желая действовать против совести, многочисленными примерами доказывают необходимость исправления закона. Почему же все эти протесты не производят на нашу юстицию ни малейшего впечатления?» — восклицает в конце своей статьи В. Каверин.

Думается, что ясно: дело не в юстиции и не в судьях, которые, по свидетельству самого Каверина, где только могут, облегчают положение женщин, а в бесчеловечных законах коммунистической власти, против которых представитель общественности выступает как свидетель обвинения.

А. Артемова

формально к поколению эмигрантских «сыновей», но разделивший с ними и судьбу изгнания и путь сомнений. Это — мать Мария, в миру поэтесса Елизавета Юрьевна Скобцова. В эмиграции, даже после принятия монашества, мать Мария продолжала писать стихи, хотя, конечно, в жизни литературной «богеми» участия не принимала. Она посвятила себя другой «богеме», лишенной даже утешительного сознания, что она, как никак, принадлежит к сословию поэтов. Подопечными матери Марии, заботе о которых она посвятила всю жизнь, были несчастные эмигранты, потерпевшие жизненное крушение в каменном море Парижа. Алкоголики, бродяги, сумасшедшие, проститутки — все они знали путь к дому «Православное Дело», созданному матерью Марией в XV-ом районе Парижа, в центре скопления русской эмиграции.

Мать Мария писала:

Вот голый куст, а вот голодный зверь,
Вот облако, вот человек бездомный.
Они стучатся. Ты открой теперь,
Открой им дверь в Твой Дом, как мир огромный.

О Господи, я не отдам врагу
Не только человека, даже камня,
О имени Твоем я все могу,
О имени Твоем и смерть легка мне.

За этими словами стоял подвиг целой жизни. Ранние прохожие ежедневно видели, как по пустынькам улиц XV-го района Парижа шла женщина в монашеской одежде, впряженная в нагруженную овощами и хлебом тележку. Это возвращалась с Центрального рынка мать Мария. Она везла купленные за гроши «крошки со стола богатых», чтобы накормить ими тех, кто не имел ни куска хлеба, ни пристанища.

«Открой им дверь в Твой Дом, как мир огромный...» Мать Мария не только указывала на Небесный Дом — она прежде всего создала земной дом на одной из парижских улиц. И не спрашивала приходивших в этот дом ни об их политических убеждениях, ни даже о том, верят ли они в Бога. Когда в Париж пришли гитлеровцы, мать Мария, верная своему поэтическому обещанию «не отдать врагу не только человека, даже камня» — спасала преследуемых евреев. Сосланная, вместе со своим юношей-сыном и молодым священником о. Димитрием Клепининым, в гитлеровские лагеря смерти, мать Мария погибла в лагере Равенсбрюк. Литературный критик Ю. Терапиано

приводит, в своей книге «Встречи», рассказ бывшей заключенной, знавшей мать Марию в лагере Равенсбрюк:

«Как-то на переключке, она (мать Мария) заговорила с одной советской девушкой и не заметила подошедшей к ней женщины СС. Та грубо окликнула ее и стегнула со всей силы ремнем по лицу. Матушка, как будто не замечая этого, спокойно докончила начатую по-русски фразу. Взбешенная СС-овка набросилась на нее и сыпала удары ремнем по лицу, а та ее даже взглядом не удостоила. Она мне потом говорила, что, даже и в эту минуту, никакой злобы на эту женщину не ощущала: «Будто ее совсем передо мной и нет».

Бывают люди, которые принимают Бога с той детской ясностью и простотой, искать которые призывает Евангелие. Люди, как мать Мария, ищут встречи с Богом в деятельной любви к человеку — вера поддерживает их подвиг и всякий раз вновь рождается из него. Есть, наконец, люди, которые искренне чувствуют, что их отношение к Богу может быть только отношением поисков и сомнений. Таков был путь поэтов-эмигрантов, во всяком случае — лучших из них. Была, как всегда, и поза и безответственная болтовня «на высокие темы». Но лучшие были все же в пути к той последней чистоте с самими собой, без которой нет и не может быть ни настоящей религии, ни настоящей поэзии. Людей консервативного культурного и религиозного склада такое «вечное странствие» не может не раздражать: «Пора, наконец, найти свое место в жизни и заняться полезным делом». Но люди, рассуждающие так, должны были бы, по моему убеждению, вычеркнуть из святцев всех юристов, хотя я и далек от того, чтобы отождествлять поэтическую «богему» с подвигом юродства. Но что-то общее есть между «неприкаянностью» поэта и юродивым, сущность подвига которого в совершенном отрицании человеческих условностей и признания, в желании остаться наедине с Богом и слышать только Его голос.

... Ни одной клеветы на Творца
После этой не будет встречи
... это был лишь короткий миг,
Но он был невозможней, краше,
Чем все то, что мы знали из книг,
Чем все сны, все надежды наши.

(А. Штейгер)

Честное сомнение, как зрячесть и зов души, готовой открыться на встречу Богу, есть обычный путь смертных — не избранных, а ищущих.

Их внутренний мир полон трагизма уже потому, что уверенности в успехе быть не может. Но зато никто не может их упрекнуть в религиозном «конформизме», (столь отличном от живой и творческой традиции!) в котором Киркегор видел главную опасность для религиозной и культурной судьбы человечества. Сейчас, после коллективизации, Равенсбрюка и Хиросимы нельзя «писать красиво» — это фальшиво и оскорбительно. Так же естественно было Державину, сыну благополучной и гармонической эпохи, написать оду «Бог», как эмигрантскому поэту В. Смоленскому написать стихотворение «Ангел»:

Бичем и криком подгоняя,
Как нерадивого раба,
Меня влечет моя слепая,
Жестокая моя судьба.

В такой тоске, в такой неволе
Как много надо сил иметь,
Чтоб не сойти с ума от боли.
От бешенства не умереть.

Но в темные часы бессилья
Прорежут тьму — в который раз! —
Мерцание легчайших крыльев,
Сияние прозрачных глаз.

Как медленно я умираю...
Но верю, что в конце пути
Он приоткроет двери рая,
Крылом поможет доползти.

Но если «писать красиво» — насмешка над измученными людьми, то что сказать о рифмованной журналистике, столь же злободневной, сколь и фальшивой, которая, за редкими и радостными исключениями, заполняет страницы журналов, выходящих в СССР?

После смерти поэта Бориса Поплавского известный поэт старшего поколения Георгий Иванов сказал, что творчество Поплавского «есть проявление именно того, что единственно достойно называться поэзией, в неоскорбительном для человека смысле». Над этими словами стоит задуматься.

Только пророкам и гениям даны слова, которые способны «жечь сердца людей». Но если поэзия не радуется и не волнуется, если за стихами не чувствуется человек, их написавший, если только глаза скользят по гладким строкам, а сердце не трепещет им вслед, то это не поэзия, а разновидность пошлости и лжи. Непреходящая заслуга лучших поэтов изгнания в том, что к такой жуле на человека и искусство они не причастны.

сделать предупреждение человечеству для того, чтобы подготовиться к событиям, стоящим перед человечеством и соответствующим концу исторического зона.

В такое переходное время как наше, происходят изменения в коллективной психологии, связанные с изменением констелляции архетипов, «богов» или символических прообразов коллективного подсознания, возникают новые легенды или мифы. В одном случае объективно реальное, т. е. физическое явление становится основанием для возникновения мифа, в другом случае архетип вызывает соответствующее ему явление. К этой причинной связи можно прибавить еще третью возможность — непричинное, но осмысленное, «синхроническое» совпадение психических и физических явлений.

Между прочим понятие «синхроничность» является так сказать «новинкой» в области современной психологии. Этой теме Юнг посвятил целую книгу, стре-

мясь в ней объяснить так называемые парапсихические явления — телепатию, ясновидение и т. п. Парапсихология — это новая и уже официально признанная научная область, экспериментально изучаемая в университетах.

Визионарные слухи имеют родственную связь с коллективными видениями, например, видениями крестоносцев при осаде Иерусалима, бойцов у Монса во время Первой мировой войны, многотысячной толпы в Фатиме. Такие психологические проекции соответствуют общей психологической ситуации данного времени.

Аффективная напряженность нашего времени создает коллективным ощущением опасности и имеет свои корни в общей витальной духовной потребности. Поводом же для проявления этих психических состояний является политическая напряженность, советская агрессивность и ее необозримые последствия.

Иллюзии, видения возникают у отдельного индивидуума, когда он психически диссоциирован, т. е. когда происходит расщепление между его сознанием и противоположными, чуждыми содержаниями подсознания. Когда сознание не знает об этих содержаниях и потому находится в безвыходном положении, то эти чуждые содержания, не могущие быть непосредственно и сознательно интегрированы, ищут возможности косвенного выражения в виде неожиданных и необъяснимых мнений, убеждений, иллюзий, видений и т. д. Необыкновенные явления природы, метеоры, кометы, теленок с двумя головами и т. д. истолковываются, как зловещие признаки предстоящих бедствий. Различные люди независимо друг от друга и одновременно видят вещи, не являющиеся физически реальными.

Ассоциационные процессы многих людей имеют свой параллелизм во времени и пространстве: в головах различных людей одновременно и независимо друг от друга рождаются одинаковые новые идеи. Часто одна и та же причина истолковывается одинаково или вызывает одинаковые визионарные образы у людей, которые наименее всего к этому подготовлены или склонны этому верить (это так называемые «надежные свидетели»).

В тревожной ситуации нашего времени, когда на карту ставится все, проецирующая фантазия обращается к небу, к космическому звездному пространству, где некогда обитали древние боги, вершители человеческих судеб. Люди видят на небе летящие, ярко светящиеся (иногда в различных красках), диско или шарообразные предметы (иногда имеющие и цилиндрическую форму). Эти формы Юнг сравнивает с древним символом целостности, называемым на санскритском языке мандала, т. е. круг. Сюда же относятся также доисторический магический круг, кругообразные символы алхимиков и т. д. Все эти символы индивидуальности, внутренней целостности, символическое представление самости, т. е. единения сознания и подсознания.

Современный, внутренне расщепленный, потерявший свою цельность человек, подсознательно стремится к этой цельности. Эти подсознательные желания принимают символическую форму.

Современная мировая ситуация наиболее подходит для ожидания спасительных небесных происшествий. Характерно, что в противоположность прежним временам, архетип в наше время принимает вещественную, более того, техническую форму, чтобы избежать предосудительности мифологической персонализации. Так непопулярная в наше время идея метафизического вмешательства заменяется идеей посещения Земли таинственными существами с других планет. «Невесомость» же «УФО» легко принимается, как новое физическое чудо.

Человечество нуждается в новом, но истинном целительном мифе, выражающем трансцендентность всего человеческого бытия. «Все мы выходим из мифа, исторически и индивидуально», — сказал психолог Кречмер.

В наше время мы являемся свидетелями или жертвами ложных мифов, пользующихся односторонними, демоническими силами подсознания. Сюда, например, относятся: идея всеобщего про-

(Окончание см. стр. 12)

Один современный миф

О таинственных «УФО» (первые буквы Unidentified Flying Objects — неопознанные летательные предметы), т. е. о «летающих тарелках», стали говорить еще во время Второй мировой войны. В послевоенное время слухи об этих летающих предметах, виденных в различных местах нашей планеты, время от времени опять возникали.

Знаменитый психолог К. Г. Юнг придает такое большое психологическое значение этому феномену «УФО», что после многолетнего тщательного изучения написал на эту тему целую книгу под названием «Один современный миф»^{*}, в которой он связывает этот феномен с общей духовной ситуацией нашего времени. В предисловии к книге Юнг говорит, что, публикуя ее, он, конечно, рискует своей репутацией серь-

езного ученого, но все же он считает своим долгом эту книгу опубликовать.

Названная книга вышла в свет в 1958 году и... как бы спугнула таинственные «УФО», ибо слухи о них в последнее время замирали. Но вот в последние месяцы о будто бы появившихся «УФО» снова заговорили, причем, кажется, в еще более фантастической форме, чем прежде. Также в газетах промелькнуло сообщение, как будто бы американцы в настоящее время официально выпускают новые дискообразные летающие аппараты.

Но установление объективной реальности летавших все эти годы «тарелок» не означало бы конфуза для Юнга. Для него не важна реальность или нереальность этих предметов, но зато важна человеческая реакция на них, т. е. чисто психологическая сторона дела.

Главная причина, побудившая Юнга написать книгу, это его чувство долга

^{*} C. G. Jung, „Ein moderner Mythos“, Zurich, 1958.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПОСЕВ

Possev-Verlag, Frankfurt/Main, Merianstr. 24 a
Telefon: Sammelnummer — 4 86 41
Telegramm-Adresse: Posseverlag, Frankfurt/M.
Postcheckkonto: Frankfurt-M. 33461. Bankkonto:
Nassaulsche Sparkasse, Frankfurt/M. Nr. 11504

Издает еженедельник «Посев», журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли «Грани» и художественную и общественно-политическую литературу.

При издательстве — книжный магазин. Проспекты и каталоги высылаются бесплатно.

Представители за рубежом:

АВСТРАЛИЯ

Possev, Post Office, Carrum, Victoria.
Mr. A. Veremeeff 8 Abingdon St., W-Gabba,
Brisbane, Qld.

АВСТРИЯ

«Русская книга»
«Russisches Buch»
Wien III, Bechardgasse 14/12 — Osterreich
Telefon 73 44 43

АНГЛИЯ

V. V. Baratshevsky,
23, Adler Grove, London N. W. 2.

БЕЛГИЯ

E. Drevisky. Poste Centrale. Liege.
Boite Postale 93.

БРАЗИЛИЯ

G. Konstantinoff, Caixa Postal 2254, Sao Paolo.

ВЕНЕСУЭЛА

N. Drosdovsky, Apartado correo 4665,
Caracas-Este

ГОЛЛАНДИЯ

A. Kandaugow. Postbus 325. Rotterdam.

ГРЕЦИЯ

Firma Anna Mazarakis & Co.
Athen. Griechenland. Patission 9.
Salonica. Anguelakopoulou-Zakharopoulou.
Nea Megalou Alexandrou 41.

ДАНИЯ

D. Schewitch, Herthavej 2. B. København-Charl.

ИТАЛИЯ

A. Konovets. Casella Postale 429.
Roma, Centro, Italia.

ИСПАНИЯ

Don Miguel Jureninsky-Kolchin,
Padilla, 55. Madrid.

ИЗРАИЛЬ

M. Kabrl. 5, Giveth-Koach str.
Kirlath-Shalom. Tel-Aviv. Israel.

КАНАДА

A. Romag. 1420, Bernard str. Outremont
Montreal

КОРЕЯ

International Post Office. Box 1119.
Seoul. Korea.

МАЛАЙЯ

M. Talrow, 34, Stevens Road, Singapore.

МАРОККО

A. Zvlkevich, ches Brunot. 66, rue de Camiran.
Post Mer Sultan. Casablanca.

НОРВЕГИЯ

Fedor Tarakanow, Krusesgt. 5. B. Oslo.

США

S. Miro, Possev, 340 Liberty ave.
Brooklyn 7, N. Y. Phone: DI 2-7302.

Mr. A. Tzvlkevich 2314 - 25th. Avenue
San Francisco. 16 California. USA
Tel. SE 1-0339

A. Selsky, 5527 - 41. Ave Kenosha, Wis. USA.
3242 W/Le moyne Str. Chicago 51 Ill.

B. M. Burkovsky. 1327 W. Mariano st.
West Covina. Calif.

ТУРЦИЯ

Mr. Nadir Bek. Aya Andreyka Binasl
Mumnan e caddesi No. 109
Galata-Istanbul. Turkei.

ФРАНЦИЯ

«Le Semis», Société d'Édition.
125, rue du Théâtre. Paris 15 e.

N. Altoff, 48, Route de Geneve
Crepleux la Pape (Ain).

A. K. Lavroff,
rue Moselle 2, Nllvange/Moselle.

ЧИЛИ

St. Iko Temml. Güemes 66. Santiago.

ШВЕЙЦАРИЯ

Leo Grosseu. Postfach, Locarno.

ШВЕЦИЯ

Tidskriften «Possev», Nygatan 27 - B. - 1
Södertälje. Postgiron. 47 - 52 - 88.

ЯПОНИЯ

Mr. A. Bakulevsky, 437 - Ival - cho,
Hodogaya-ku, Yokohama.

Einzelpreis — DM 0.70

Цена еженедельника «Посев» в розничной
продаже: Германия — 0.70 нм.; Англия —
1 шилл. 2 пенса; Бельгия — 8.50 франков; Гре-
ция — 4 драхмы; Италия — 100 лир; Швеция —
0.85 кроны; Франция — 0.60 франков; США —
25 центов; Аргентина — 3 пезо; Бразилия —
5 крузейро; Венесуэла — 0.70 боливар; Австра-
лия — 1 шилл. 2 пенса; Иран — 6 риалов; Ли-
ван — 40 ливанских пиастров. И во всех ос-
тальных странах соответственный эквивалент
70 нем. пфен. (2 почт. международных купона).
Ныне действует для объявлений в Германии
тариф № 2: страница — 1 000 нм.; 1/2 — 500 нм.;
1/4 — 260 нм.; 1/8 — 140 нм.; 1/16 — 85 нм.

Условия подписки на еженедельник «Посев»
и журнал «Грани» в Германии:
«Посев» на 3 месяца — 7.80, на полгода —
15.60, на год — 31.20.

«Грани»: Отдельный экземпляр — 6.00, годо-
вая подписка — 20.00.
Цены указаны в немецких марках.

ИНОСТРАННЫЙ МИР И МЫ

В Париж, с ракетами в руках . . .

ПО ПОВОДУ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ЧАСТИ ДОКЛАДА ХРУЩЕВА НА МАЙСКОЙ СЕССИИ
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Кое-кто на Западе, по поводу речей Хрущева в Баку и на сессии Верховного совета СССР выдвигает следующую концепцию: Хрущев, сам по себе, искренне стремится к миру. Но он должен считаться с давлением партаппаратчиков (некоторые газеты пишут даже о «фракции Суслова») и с непримиримой позицией, занятой руководством КПК. Отсюда — вся его воинственность.

Концепция эта, весьма удобная для оправдания и идеи встреч на высоком уровне и прямого соглашения («если мы не уступим Хрущеву, то его сбросят сталинцы, а это будет еще хуже»), очень далека от действительности, и представляет собою не более, чем тот «нас возвышающий обман», который дорожке «тьмы низких истин».

Оказывает кто-нибудь (или что-нибудь) давление на Хрущева?

Нет, конечно, ничего невероятного в том, что народное недовольство и напряжение внутри страны наталкивает руководство КПСС и лично Хрущева на искусственное создание обстановки страха перед внешним нападением, страха войны, но с этим явлением мы встречались на всем протяжении истории советской власти; и внутриполитическое положение и возможные разногласия с руководством КПК играют лишь так сказать подсобную роль в агрессивной линии, принятой Хрущевым. Сама же эта линия проистекает — и это то, чего не хотят видеть западные соглашатели — из непреклонного стремления коммунизма уничтожить ненавистный ему «капиталистический строй»; стремления, составляющего самую суть коммунизма: отними у него это стремление и он погибнет сам.

Личные же качества Хрущева — опять-таки вопреки все той ретуши, которую кладут на его портрет западные соглашатели — таковы, что ему ближе всего по нутру амплуа именно агрессора, а не «сосуществователя», и уж, конечно, не «честного партнера». Хрущев заинтересован в мире лишь постольку, поскольку у него нет уверенности в победоносном исходе войны. Появись у него эта уверенность (как она, скажем, в 1939 году была у Гитлера) и «сосуществователь» вкупе с руководством КПСС и «братских компартий» развяжет войну.

Есть ли у него эта уверенность сейчас? По-видимому, еще нет: мы еще не слышали воя сирен. Но расчет на нерешительность, слабохарактерность, трусость и неединство Запада безусловно есть. В этом его может убедить и некоторый опыт прошлого и поведение иных деятелей Запада в настоящем. Кроме того, руководством КПСС, конечно, учитывается тот факт, что США еще отстают от СССР по части межконтинентального ракетного оружия и что внешней политикой самой мощной страны свободного мира после смерти Даллеса руководит — до своего ухода на покой в марте 1961 г. — расположенный к известным уступкам и компромиссам президент Эйзенхауэр. Отсюда — расчет на запугивание Запада, на его дозированную капитуляцию.

С чем готовится Хрущев приехать в Париж на «встречу четырех»? Оставим в стороне занимавший значительное место в его речи эпизод с американским разведывательным самолетом; этому эпизоду в «Посеве» посвящена особая статья. Ограничимся лишь следующим: этот эпизод Хрущев использовал для подтверждения своего основного пропагандного трюка: руководство КПСС — «миролюбиво», а свободный мир «агрессивен». Поэтому, ультимативные требования руководства КПСС суть «правдивые предложения», а отказ Запада подчиниться ультиматуму есть политика «с позиции силы» и «на грани войны». Парижская встреча и будет протекать под знаком такого пропагандного «сальто мортале».

«Мы хотим заключить с другими державами соглашение о всеобщем и полном разоружении», говорил Хрущев,

выступая перед Верховным советом 5 мая и повторая сказанное уже им перед Генеральной Ассамлеей ООН. Но разоружение без контроля — фарс, что знает, несомненно, и сам Хрущев. Между тем, все предложения Запада, направленные на осуществление эффективного международного контроля контроля над разоружением руководством КПСС систематически отклоняются, как якобы, узаконивающие взаимный шпионаж. Но если контроль — шпионаж, то кто же будет тогда проверять полноту разоружения? Кто поверит, что оно проведено не на словах, а на деле?

Второе, с чем поедет Хрущев в Париж, это предложение «заключить мирный договор с Германией, то есть с двумя реально существующими германскими государствами».

Хрущев отлично знает, что одно «реально-существующее германское государство» а именно так называемая «ГДР» держится на оккупационных штыках, вопреки воле народа, что из этого «государства» бежало уже свыше двух миллионов его граждан и продолжает бежать и дальше, что 17 июня 1953 года народ этого «государства» выразил свое реальное к нему отношение тем, что потребовал свободных выборов и получил в ответ пули оккупантов.

Сознательно искажая действительность, Хрущев говорит, что «руководители боннского правительства не скрывают, что их помыслы направлены на поглощение Германской Демократической Республики и уничтожение там социалистического строя». Помыслы и правительственной коалиции и оппозиции в ГФР направлены не на поглощение «ГДР», а на проведение на всей территории Германии определяющих ее будущее свободных выборов. Если бы, следовательно, в результате этих выборов германский народ отдал большинство своих голосов коммунистам и тем самым высказался за сохранение «ГДР» с ее «социалистическим строем», то — вольному воля, спасенному рай, — «боннским правителям» не оставалось бы ничего, как склониться перед волей народа. Но почему на эту же самую — единственно демократическую — позицию не хочет стать Хрущев? Не потому ли, что он отлично знает (хотя и боится об этом сказать), что на общегерманских свободных выборах компартия не набрала бы и 5% голосов?

Хрущев с иронией отзывается о тех, кто намерение руководства КПСС заключить сепаратный мирный договор с «ГДР» расценивает, как угрозу: мирный, видите ли, договор и вдруг — угроза!

Хрущев передегивает: угроза не мирный договор сам по себе, а те последствия, к которым он рискует привести, и о которых, кстати, он повествует тут же, в той же речи.

«Западный Берлин находится на территории Германской Демократической Республики», — заявляет Хрущев, хотя это и противоречит очевидности: Берлин (и Западный и Восточный) юридически не входит и никогда не входил в состав той территории советской оккупационной зоны, которая сейчас именуется «ГДР». Угроза состоит в том, что при таком ходе аргументов «ГДР», как «суверенное и независимое государство», с которым даже заключен «мирный договор» может в любой момент загордиться западным державам доступ в Берлин и потребовать от них убрать оттуда свои гарнизоны: ведь Западный Берлин расположен на «ее» территории! А так как Запад неоднократно заявлял — и на конференции НАТО в Стамбуле подтвердил еще раз — что в международный правовой статус Западного Берлина до воссоединения Германии не может быть внесено никаких изменений, затрагивающих демократические свободы его жителей и права западных держав, гарантирующих эти свободы, — то «мирный договор» с так называемой «ГДР» есть не что иное, как опасность мирового конфликта в любой момент и по любому поводу.

Это Хрущев и руководство КПСС знают, но об этом они умалчивают.

Что сулит Хрущев жителям Западного Берлина на тот случай, если Запад примет его ультиматум? Превращение в «вольный город»? Но что скрывается за этим термином? Западный Берлин, — уже вольный город, «остров свободы». Быть «вольным городом» по хрущевской милости, значит — в очень скором времени разделить судьбу той «ГДР», на территории которой — если верить Хрущеву, — этот «вольный город» расположен.

Трюк с «вольным городом» Хрущевым придуман только для маскировки ультиматума для того, чтобы при случае объяснить: «да мы же и не посягаем на демократические свободы западноберлинцев!» Хрущев учитывает непопулярность всякого рода агрессивных ультиматумов и стремится их маскировать.

Итак, вот что везет в своем чемодане в Париж Хрущев: заранее обреченное на провал демагогически-фарсовое «предложение о полном разоружении», угроза — не мирного договора с «ГДР», нет! — а создания в «ГДР» обстановки, чреватой войной и свой прежний берлинский ультиматум.

По-видимому, Хрущев сознает, что при таких условиях нет надежд на успешность «встречи» четырех и заранее подготавливает почву: «Пока мало оснований для надежды, что правительства стран, с главами которых мы должны встретиться, действительно ищут конкретных решений».

Это называется — с большой головы на здоровую! В будущем срыве конференции виноват, оказывается, Запад и, прежде всего, американцы!

Во-первых, утверждает Хрущев, «за последнее время заметно активизировались в Соединенных Штатах Америки влиятельные внутренние силы, милитаристы, оплотом которых является Пен-тагон».

Во-вторых, Хрущеву не нравятся последние выступления гос. секретаря Гертера, вице-президента Никсона, Диллона и др. Что же именно не нравится Хрущеву в этих выступлениях? Он об этом не сказал, он не привел из них ни одного слова, но можно полагать, что ему не понравилась квинт-эссенция этих выступлений, сводящихся к тому, что в вопросе о Западном Берлине нельзя подчиняться хрущевскому ультиматуму и что сепаратный мирный договор руководства КПСС с «ГДР» может создать обстановку, чреватую опасностью военного конфликта.

Интересна тенденция, сквозящая в хрущевской речи: отделить президента Эйзенхауэра от «кругов», которые, «видимо, ограничивают его». Хрущев как бы берет президента Эйзенхауэра под свою защиту от этих «кругов». Что это? Неуклюжая попытка поссорить Эйзенхауэра с его окружением?

Особенно досталось от Хрущева Никсону — человеку, играющему в общественной жизни США значительно большую роль, чем та, которую конституция и сложившаяся традиция отводят обычно вице-президенту и возможному республиканскому кандидату на президентский пост. Хрущев выразил даже беспокойство в связи с намерением президента Эйзенхауэра покинуть 23 мая Париж и оставить своим заместителем Никсона на случай, если конференция затянется.

В отличие от Эйзенхауэра, который, по словам Хрущева «искренне стремится к миру», Никсон «думает о чем угодно, но меньше всего о том, чтобы достигнуть договоренности по спорным вопросам». Оставить Никсона в Париже, это все равно, что пустить «козла капусту караулить».

«Империалистам ненавистен социалистический строй, ненавистно марксистско-ленинское учение. Это дело их личных убеждений, но не повод для развязывания войны. Мы тоже не пытаем

симпатий к капиталистическому строю, но мы не хотим другим странам навязывать свой строй силой», заверял Хрущев своих слушателей в Верховном совете СССР. Хрущев делал вид, что верит своим собственным словам, слушатели, — что верят Хрущеву. Но, конечно, и «премьер» и «парламент» не принимали эти громкие слова «всерьез»; 4 ноября 1956 года Венгрии был навязан «социалистический» строй силой и, при этом, силой самолетов и танков, посланных руководством КПСС.

Спекулируя историческим прошлым и бахвалась, Хрущев говорил о поражении интервентов в эпоху гражданской войны и об опыте Второй мировой войны, угрожая этим опытом «агрессорам» Запада.

Слова довольно рискованные, если вздумать в их политическую цель: подготовить психологически народ к возможной войне. Отметим, что интервенция иностранцев в гражданской войне была явлением скоропреходящим и мало значительным с военной точки

зрения (немногочисленные иностранные воинские части почти не участвовали в войне), а во вторую мировую войну союзниками власти были безумие Гитлера, объявившего войну на истребление российскому народу и помощь тех самых западных держав, которым сейчас угрожает Хрущев. Следовательно, историческая параллель, проведенная Хрущевым, несет с собой риск ошибки. Ошибка страшная, потому, что расплачиваться за нее придется не Хрущевым, а народу.

«Если переговоры не будут иметь успеха, — истерически восклицает Хрущев, — то народы всего мира поймут, кто виновник этого».

Мы уже слышали подобные слова.

«Я не хочу войны. Но если мои миролюбивые предложения не будут приняты, то вина ляжет не на меня», — неоднократно повторял Гитлер.

К чему это «миролюбие» привело, все знают.

А. Н.

К истории со сбитым американским самолетом

На рассвете 1 мая в воздушное пространство Советского Союза влетел американский невооруженный одномоторный самолет типа «Локхид У-2».

По словам выступавшего на сессии Верховного совета СССР Хрущева, этот самолет поднялся с аэродрома в Пешавере, летел на высоте 20 тысяч метров и был по приказу советского правительства сбит ракетой в районе Свердловска. Как сказал на той же сессии маршал Гречко, самолет был сбит первым же выстрелом. Согласно утверждениям Хрущева, пилот этого самолета старший лейтенант военно-воздушных сил США Фрэнсис Гарри Пауэре успел выбраться с парашютом, выйдя через «верхний фонарь», служащий для посадки в самолет. (В самолете была адская машина, которая бы взорвала его, если бы пилот выбросился с помощью катапульты). Он благополучно приземлился и находится в руках органов госбезопасности. Самолет разбился (советские газеты помещают фотографию обломков), но снаряжение самолета осталось целым. В это снаряжение входят аэрорадиоприемники, разведывательная аппаратура для вскрытия радиолокационной сети и т. д. Самолет, по словам Хрущева, «имел задачу пересечь всю территорию Советского Союза от района Памира до Кольского полуострова» — и снизиться в северной Норвегии на аэродроме в Буде. Пилот, как сказал Хрущев, был вооружен бесшумным пистолетом и отравленной булавкой, чтобы покончить с собой, если бы ему грозила опасность попасть живым в руки советских органов госбезопасности.

Кроме того, сказал Хрущев, у пилота было найдено несколько золотых колец, две пары золотых часов, семь с половиной тысяч рублей в советских деньгах, французские золотые франки, западногерманская, итальянская и другая валюта.

Все эти подробности — включая и то, что американский летчик жив и находится в руках властей — Хрущев сообщил в своем заключительном слове 7 мая. Выступая же 5 мая, он ограничился лишь тем, что сообщил о факте нарушения американским самолетом советского воздушного пространства и о том, что этот самолет сбит.

Заявление госдепартамента, изданное в ответ на хрущевские слова от 5 мая, говорило о том, что самолет предназначался для научно-исследовательских целей, что он поднялся с авиабазы Инджирлик в Турции и находился над озером Ван, когда его пилот в последний раз дал о себе знать. Он, согласно заявлению госдепартамента, сообщил тогда, что испытывает затруднения с кислородом. Отсюда делался вывод, что из-за неисправности кислородного питания летчик потерял сознание и неуправляемый самолет оказался над территорией СССР.

«Товарищи, я должен вам рассказать один секрет, — сказал Хрущев в своем заключительном слове 7 мая, — когда я

доклад делал, то умышленно не сказал, что летчик жив и здоров, а части самолета находятся у нас. Это мы сделали сознательно, потому, что, если бы мы все сообщили сразу, тогда американцы сочинили бы другую версию».

8 мая государственный департамент издал новое сообщение.

Согласно этому сообщению, власти в Вашингтоне не давали никакого разрешения на полет американского самолета, как он был описан Хрущевым.

Однако, говорилось далее в сообщении, вдоль «железного занавеса» действительно производятся полеты вооруженных гражданских самолетов типа «Локхид У-2». Эти полеты производятся уже четыре года для сбора нужных сведений. Если советскому правительству, — говорит далее сообщение госдепартамента, — не нравятся эти полеты, то оно должно согласиться с предложением об «открытом небе», сделанном президентом Эйзенхауэром в 1955 году.

9 мая выступил с новым заявлением лично государственный секретарь США Гертер. Это заявление последовало за совещанием, которое он имел с руководителем разведывательной службы США Алланом Даллесом.

Гертер заявил, что президент Эйзенхауэр дал указания, основанные на Акте о Национальной безопасности от 1947 г., для «сбора информации о возможном неожиданном нападении всеми доступными средствами».

Согласно этим общим указаниям, «были разработаны и осуществлялись программы, включающие воздушное наблюдение невооруженными гражданскими самолетами. Нормально это наблюдение производилось из приграничных районов, но иногда осуществлялось и проникновение вглубь».

Три таких полета, — сказал далее Гертер, — «судя по всему не были секретом для советского правительства». Гертер обвинил советское правительство в том, что оно раздувает инцидент со сбитым самолетом в пропагандных целях. Что же касается полетов с целями наблюдения, — сказал Гертер, — то до установления системы взаимной инспекции и контроля они будут продолжаться и впредь. Правительство Соединенных Штатов, — сказал в заключение Гертер — пренебрегло бы своей ответственностью не только перед американским народом, но и перед всеми свободными народами вообще, если бы оно в виду советского отказа от сотрудничества не принимало меры для предотвращения опасности внезапного нападения. США не уклоняются и не уклонятся от ответственности».

Касаясь инцидента с американским самолетом, японская печать сообщает, что советские реактивные бомбардировщики регулярно — 2-3 раза в неделю — летают вдоль берегов Японии и производят исследования с помощью радарных установок. Эти самолеты летят на большой высоте и потому недоступны для японских истребителей.

«Мне доподлинно известно, что уже годами советские самолеты летают над нашей территорией и делают снимки, — сказал, выступая 9 мая на митинге христианско-демократического союза, германский федеральный канцлер Аденауэр. — Но я знаю, — добавил канцлер, — что и американцы платят той же монетой, и слава Богу».

9 же мая Хрущев направил трем «великим» (Эйзенхауэру, Макмиллану и де Голлю) послания, в которых выражалось пожелание, чтобы случай с самолетом не повлиял на ход «встречи на высоком уровне». Однако того же 9 мая на приеме в чехословацком посольстве Хрущев вновь вернулся к инциденту, охарактеризовал заявление госдепартамента как «опасное» и пригрозил возмездием тем странам, которые предоставляют США базы для подобных полетов. В частности, пакистанский посол был предупрежден, что город Пешавер на картах советских военно-воздушных сил «уже обведен красным кружком».

Американские экоперты сомневаются в том, что самолет «Локхид У-2» был сбит; считается более вероятным, что пилот был вынужден снизиться.

Конструктор самолета «Локхид У-2» Г. Л. Джонсон заявил, что фотографический снимок, изображающий якобы обломки сбитого американского самолета, — фальшивка. Обломки эти принадлежат самолету другого типа, возможно, советской конструкции.

*

«Какой мерой мерите, такой и отметится вам». Конечно, самовольное вторжение иностранного самолета в воздушное пространство другого государства, да еще с целью наблюдений и съемок есть грубое нарушение международных законов; сбить такой самолет оборонительная система данного государства имеет полное право, а сам факт шпионажа подлежит осуждению.

Вряд ли можно считать разумным и поведение официальных представителей США, давших было в начале совершенно невинное объяснение инциденту и лишь затем — после того, как Хрущеву удалось их «разыграть», сделавших неслыханное в дипломатической истории, но вполне в духе времени признание: «да, самолеты США нарушают чужое воздушное пространство и они будут его нарушать и впредь».

Но, подымая шумиху вокруг инцидента с самолетом, руководители КПСС странно непоследовательны. Разве они никогда не занимались и не занимаются

и по сей день шпионажем в «капиталистических» странах? Разве они не тратят на этот шпионаж огромные средства?

Мы уже отметили факты вторжений советских самолетов в воздушные пространства Японии и ГФР...

В 1945 году благодаря Игорю Гузенко был раскрыт так называемый «атомный шпионаж» в Канаде.

Начиная с 1945 года за попытки организовать шпионаж были, по требованию соответствующих правительств, отозваны советские военные и военно-морские атташе из Великобритании, Нидерландов, Швеции, Италии и др. стран.

В деле Алджера Гисса, избличенного американскими властями в шпионаже был замешан советский агент Борис Быков. В 1957 году в Нью-Йорке был арестован полковник советской службы, шпион Рудольф Иванович Абель, позднее приговоренный к 30-ти годам тюрьмы. В том же году из пределов США был выслан советский дипломат Юрий Крылов — за попытку шпионажа.

Этот список можно было бы и продолжить. Повторяем: «какой мерой мерите, такой и отметится вам».

Шумиха, поднятая вокруг инцидента 1 мая, имеет, думается, и известную политическую подкладку.

Был ли сбит самолет или его заставили снизиться?

Этого мы не знаем. Но важно то, что официальная версия говорит, а казенная пропаганда не устает подчеркивать: самолет был сбит и при этом ракетой, да еще «с первого же выстрела».

Здесь расчет на то, чтобы американцы потеряли веру в возможность «массированного возмездия» своей стратегической авиации: советская противовоздушная оборона располагает-де средствами почти автоматического уничтожения каждого самолета, проникшего в воздушное пространство СССР.

Второй расчет: нанести урон внешнеполитическому престижу США, поставить американскую дипломатию в плане ведущейся «холодной войны» в положение обороны да еще с невыгодных позиций.

Эта задача, учитывая противоречивую реакцию госдепартамента, в какой-то мере удалась, хотя последнее заявление Гертера показывает, что, по крайней мере в данном вопросе, США пассивно-оборонительную роль не удовлетворяются.

У. Павленко

Кейтель складывает фельдмаршалский жезл...

15-ЛЕТИЕ КАПИТУЛЯЦИИ ГИТЛЕРОВСКОЙ АРМИИ

... Наступил май 1945 года. Всему миру было ясно, что Германия агонизирует. Каждый новый день войны был явной бессмыслицей для Германии, приносящей и ей и всем участникам величайшей мировой катастрофы лишь еще больше горя и людских страданий. Оттяжка конца лишь уменьшала шансов для германского военного руководства спасти то, что еще можно было спасти. Великогерманский «Рейх» и его вожди уже нашли свой бесславный конец...

Единственное, что оставалось у верховного командования германской армии, ставшим самостоятельным в своих решениях, было одно: капитуляция. И при том капитуляция далеко не почетная, а такая, какой она была намечена союзными державами еще в 1943 году, — капитуляция безусловная...

В эти первые дни мая еще некоторое подобие былого имперского правительства сохранилось лишь в северной части Германии — в Шлезвиг-Гольштейнии. Но это уже было «правительство» без иллюзий.

Правомочным наследником гитлеровской власти в ставшей крохотной «фашистской берлоге» стал грошеадмирал Дёниц, ставший неожиданно для него самого и имперским президентом и Верховным главнокомандующим истекающей кровью, почти небоеспособной армии.

Первой мыслью адмирала Дёница была, конечно, капитуляция, мир любой ценой...

4 мая адмирал Дёниц шлет с этой

целью своих представителей в ближайший к нему штаб союзников — в ставку британского фельдмаршала Монтгомери под Люнебургом. Сюда прибыли на специальном самолете, пропущенном без обстрела союзными войсками, генерал-адмирал фон Фридебург, генерал Кинцель, контр-адмирал Вагнер и еще три штабных офицера. Ими было подписано в тот же день соглашение о капитуляции с 5 мая всех вооруженных сил в Голландии, Дании и в северо-западной Германии.

Выполняя новое поручение адмирала Дёница, фон Фридебург летит 5 мая в Реймс, в ставку генерала Эйзенхауэра, и начинает вести переговоры о капитуляции всей немецкой армии.

Его сменяет через два дня еще более авторитетное лицо, посланное Дёницем, — генерал-полковник Йодль. Йодль выдвигает предложение от имени Дёница о капитуляции Западного фронта и о продолжении борьбы на восточном фронте. Йодль мотивирует это предложение Дёница тем, что последний, не рассчитывая на победу на восточном фронте, хотел бы, однако, остановить передвижение красного вала и спасти бегущее немецкое население на оставшейся еще незанятой территории Германии.

Западные державы отклоняют это условие капитуляции, считая для себя обязательным соглашение со Сталиным: не заключать никаких сепаратных переговоров с немецким командованием.

В ночь с 7 на 8 мая в холодном классе реймской гимназии представители гер-

манской армии подписали условия безусловной и безоговорочной капитуляции.

Учитывая опыт Первой мировой войны, когда маршал Фош потребовал от прибывшей 10 ноября 1918 года германской делегации... «колени преклоненной просьбы» о капитуляции от «врагов моей родины» (чем неблагоразумно зародил семена реванша в немецком народе), на этот раз обстановка подписания соглашения о капитуляции протекла в более достойной форме для проигравшей войну стороны.

Один из американских военных корреспондентов Дрю Мидлетон, присутствовавший при этой исторической сцене, так описывает ее (цитируем по газете «Берлинер Моргенпост» от 8 мая с. г.):

«В комнате стоит длинный деревянный стол без скатерти. Против места каждого участника переговоров лежит отточенный карандаш. На столе — пепельница, хотя никто не курит. Присутствуют генерал-лейтенант Бедель-Смит, как представитель генерала Эйзенхауэра, генерал Франсуа Севез, как представитель генерала Альфонс-Пьера Жуэна, и генерал-майор Иван Суслопаров как представитель советского командования. На шее у Йодля Железный крест рыцарской степени. Его лицо лишено выражения, но все же еще надменно, глаза словно остекленели. Перед подписанием документа он встает, выпрямляется и произносит по-немецки:

«Я хотел бы сказать несколько слов, господин генерал! С подписанием этого соглашения немецкий народ и его армия отдадут себя на милость победителей. В этот час я хотел бы лишь выразить надежду, что победитель будет великодушным»...

Это было в 2 часа 41 минута утра... Генерал Смит смотрит на него с утомленным лицом. Он не отвечает на слова Йодля. Что же отвечать, если капитуляция безусловная...

Далее следует подписание соглашения.

Днем позже эта церемония капитуляции была повторена в ставке маршала Жукова в Карлсхорсте. Для подписания акта о капитуляции прилетел из Фленсбурга в Берлин генерал-фельдмаршал Кейтель. Его сопровождали представители командования воздушных сил — генерал-полковник Штумпф и морских сил — генерал-адмирал фон Фридебург.

В 0 часов 10 минут в ночь на 10 мая

представители германского высшего командования были введены в комнату.

Здесь за широким столом сидели маршал Жуков и А. Вышинский (тогда он был заместителем народного комиссара иностранных дел СССР). Рядом с ними занимали места главнокомандующий британским воздушным флотом маршал Артур Тэддер, американский генерал Шпаац и французский генерал Жан де Латтр де Тессиньи.

Эту сцену описал другой американский корреспондент Жозеф Григг, бывший ее очевидцем:

«Кейтель вошел гордо и самоуверенно. Он был в полной форме германского фельмаршала и до конца сохранял свой апломб. Он резко положил свой маршальский жезл перед собой на стол, сел и смотрел безучастно вперед, в то время как вокруг суетились фотографы. Один или два раза он поправил себе воротник и нервно облизнул пересохшие губы.

Маршал Тэддер обратился к нему со следующими словами:

«Я Вас спрашиваю, прочли ли Вы этот документ о безусловной капитуляции и готовы ли Вы его подписать?»

Кейтель ответил коротко: «Да, я готов».

Жуков потребовал, чтобы Кейтель подошел к столу и подписал текст.

Кейтель церемонно берет свою фуражку, свой маршальский жезл и перчатки, не спеша поднимается, вставляет свой монокль в глаз и идет к столу. Здесь он садится и пишет размашисто и с завитушками: Кейтель.

В то время как остальные подписывают этот документ, Кейтель пытается выиграть время для отрыва немецких беженцев от советской армии. Он заявляет переводчику, что вследствие плохой связи с фронтовыми частями, его приказ о капитуляции может попасть в руки фронтовых начальников не раньше как через 24 часа. Переводчик не знает, как быть и обращается растерянно к одному из советских офицеров и шепчет ему, что сказал Кейтель.

Ответа Кейтелю не последовало. Но вот, словно нехотя, со своего стула поднялся маршал Жуков и заявил:

«Я прошу теперь немецкую делегацию оставить это помещение»...

Война кончилась. Кончилась горячая война с немецкими фашистами и началась холодная война... со своими союзниками. **Б. Бондаренко**

ренции на высшем уровне в Париже: прекращение атомных испытаний, разоружение, выдвигается требование участия КНР в переговорах о разоружении и указывается на невозможность изменения статуса Берлина в настоящее время.

▲ 4 мая президент де Голль возвращается во Францию после своего семнадцатидневного путешествия в США, Французскую Гвиану и на о. Мартиник.

▲ По мнению хорошо осведомленных кругов, после своего возвращения во Францию ген. де Голль, на заседании совета министров, декларировал новую линию алжирской политики.

▲ В Лондоне состоялась встреча Неру и бургомистра Западного Берлина Вилли Брандта, посвященная встрече четырех в Париже и берлинской проблеме.

▲ Между Иорданией и ГФР подписан договор о технической помощи со стороны ГФР. Правительство ГФР поможет Иордании в развитии планов по сельскому хозяйству, в геологических изысканиях, в дорожном строительстве, и в организации туризма.

▲ Во время заседания НАТО в Стэмбуле правительственные войска оцепили здание, в котором происходили заседания, так как перед ним постоянно происходили демонстрации протеста против правительства Мендереса.

▲ В Каире закончила свою работу афро-азиатская хозяйственная конференция, на которой присутствовало 116 делегатов из 47 стран. Некоторые страны, как США и Канада, выслали на конференцию своих наблюдателей.

▲ Решением парламента Южно-Африканского Союза в будущем в сенате интересы цветных будут представлять

5 членов сената вместо одного. Кроме того в сенате число членов будет сокращено с 89 на 50.

▲ 8 мая Неру посетил Париж, где имел частный разговор с президентом де Голлем, касавшийся алжирской политики и некоторых юридических вопросов бывших французских колоний в Индии.

▲ По сообщению британского правительства протекторат Англии Британское Сомали получит независимость 1 июня. В то же время получит свою независимость и Итальянское Сомали.

▲ 3 мая в США была проведена учебная воздушная тревога для подготовки американского гражданского населения на случай нападения с воздуха.

▲ 10 мая возвратилась из своего кругосветного рейса американская подводная лодка «Тритон», работающая на двух атомных реакторах. Длина лодки 136 метров, водоизмещение — 5.900 тонн. Лодка, имеющая 145 человек команды, совершила свой рейс вокруг земли за 84 дня.

▲ В Западной Германии ежедневно разоблачаются или арестовываются в среднем 8 коммунистических агентов. По подсчетам около 16.000 человек постоянно занято работой на коммунистов. Страны социалистического лагеря тратят в год на свою агентуру за границей 100 млн. немецких марок.

▲ Канцлер Аденауэр принял главнокомандующего НАТО ген. Норстада и имел с ним обмен мнениями о встрече на высшем уровне в Париже.

▲ 8 мая береговая артиллерия коммунистического Китая обстреляла остров Квэмой, принадлежащий Национальному Китаю.

Один современный миф

(Окончание. Начало см. на 9 стр.)

гресса в ее механистическо-материалистическом понимании, вера в вождей или в различные «измы». Для преодоления этих лже-мифов нужен новый истинный миф.

В наше время достаточно много пишется о крушении старых символов и понятий. Об этом свидетельствуют психологи, философы, социологи. Священники, ведущие религиозно-воспитательную работу среди молодежи, говорят об утрате последней понимания многих религиозных символов и представлений, даже при наличии у нее тяги к религии.

Наш мир сделался скептическим, говорит Юнг, отсутствие общих пригодных или хотя бы заслуживающих доверия представлений создает положение, которое выглядит как *tabula rosa*, на которой еще должно что-то появиться.

Может быть уфо-феномен и есть такое явление. Но как конкретно и радикально предотвратить угрозу индивидуальной свободе? Коллективные мероприятия, говорит Юнг, лишь поддерживают массовость, с которой как раз нужно бороться. Но предотвратить массовость можно лишь повышением ценности индивидуума, признанием ценности человека. Это может быть лишь делом отдельного человека и с него должно начаться. Но и это не должно пониматься как преднамеренное мероприятие, основанное лишь на благозвучии. Для этого человек слишком слаб. Ему скорее нужна непреднамеренная вера, так сказать метафизический приказ, который нельзя вызвать искусственно, но который совершается спонтанно, самопроизвольно. Самое большое, что человек сознательно может сделать, это как можно ближе подойти к происходящему в подсознании и затем ждать, что дальше произойдет.

В своей книге Юнг приводит содержание снов различных лиц, а также помещает картины некоторых художников-визионеров. Тема всех их близка или аналогична теме летающих тарелок. В них фигурируют те же символы. В книге также помещены картины художников, живших на исходе средневековья и изобразивших происходившие в те времена явления на небе разных шаров, дисков, цилиндрических предметов. Но в противоположность нашей универсальной эпохе, эти явления имели тогда более местный характер.

Таким образом Юнг видит выход из создавшейся ситуации в самом радикальном ответе, который человек только может дать на современный «вызов истории».

*

Причина скептицизма нашего времени лежит, может быть, не столько в разочарованиях, в прежних лже-мифах (ведь «история ничему не учит»), сколько коренится в глубинах подсознания, в котором происходят какие-то изменения в архетипах. Выход из положения — в духовно-религиозном преображении человека, связанном с изменением или обновлением символов коллективного подсознания.

Уфо-феномен может быть является многозначительным намеком на все это. Такими же намеками, несомненно, являются и многие из различных «слухов», курсирующих у нас на родине и облекающихся часто подсознательно в символическую форму. Об огромном значении символики в революционной борьбе, а также о необходимости «индивидуации» у нашей молодежи, мы уже писали на страницах «Посева» («Революция особого типа», № 24, 1959 г.; «Вызов истории», № 24, 1957 г.).

▲. Половцев

Результаты розыгрыша проведенной в ряде европейских стран лотереи в пользу радиостанции «Свободная Россия», будут опубликованы в следующем номере «Посева»

Отовсюду

▲ Завтра в Париже должна начаться конференция на высшем уровне при участии президента Франции де Голля, президента США Эйзенхауэра, председателя Совета министров СССР Хрущева, премьер-министра Великобритании Макмиллана.

▲ 10 мая два секретаря советского посольства в Берне Молли и Фролов пойманы с поличным, когда они получили от агента, работавшего по их заданию, документы и материалы о военных сооружениях Швейцарии. По требованию швейцарских властей 12 мая они с семьями покинули Швейцарию.

▲ 11 мая в Западной Берлине арестованы два шпиона, работавшие по заданию советской разведки, немцы — происхождения.

▲ Во время первомайского парада в Багдаде произошли кровавые стычки между националистами и коммунистами. 12 человек убито и большое количество ранено.

▲ Общепарламентским голосованием принята новая конституция в Гане. В голосовании приняло участие 54% избирателей. За новую конституцию подано 1.425.740 голосов, против — 131.425. Большинство голосов также избран первым президентом республики Нкрума.

Лидеры Объединенной оппозиционной партии собираются подать жалобу в Верховный суд, так как считают, что при плебисците имели место фальсификация, давление и запугивание.

▲ По сообщению беженцев из Восточной Германии, пограничники «ГДР» получают за каждого пойманного в пограничной зоне западноберлинского жителя 100 марок.

▲ Индонезийское правительство потребовало от всех иностранных нефтяных компаний увольнения всех служащих иностранного происхождения и замены их индонезийцами.

▲ В Лондоне подписан договор о полной независимости Сьерра-Леоне (британская колония в Западной Африке, в Гвинейском заливе. Население — 2 млн. человек). Новому правительству Сьерра-Леоне британское правительство сделало подарок в 7 млн. фунтов стерлингов.

▲ Объединение швейцарского студенчества послало телеграмму протеста президенту Турции Мендересу, указывающую на недопустимость подавления академической свободы студентов и профессором.

▲ Исполнительный комитет Социалистического интернационала опубликовал резолюцию, в которой подчеркиваются первоочередные задачи конфе-